

К.А. Свасьян

Сорок тысяч антропософий?

Ответ Андреасу Хеертчу и другим

Что рассуждения С.Прокофьева (см. «Das Goetheanum», Nr. 1-2/2004) об отношении ученика антропософии к антропософскому учителю вызвали столь бурную читательскую реакцию, ясно свидетельствует о том, что здесь был затронут особенно болезненный пункт. Так вздрагивают в зубоврачебном кресле, когда инструмент нечаянно касается обнаженного нерва. Вместе с тем, уже по тону, с которым выясняется названное отношение, видно, что проблема принадлежит к числу абсолютно открытых антропософских тем, и что сегодня о ней приходится всё еще говорить так, как если бы никто никогда еще не говорил о ней. Похоже, сам случай заботится о том, чтобы тема *Рудольф Штейнер и антропософы*, на которой единственно и держится антропософия (всё равно, как общество или как движение), не была предана забвению.

Андреас Хеертч назвал свою заметку в подзаголовке: *«Можно ли быть антропософом, не считая себя учеником Рудольфа Штейнера?»* Ему удалось, таким образом, в по-детски ясных словах сформулировать то, что уже давно не дает покоя многим антропософам, которым, очевидно, недостает смелости (а может, простодушия) повернуться к творцу антропософии спиной и облегченно вытереть пот со лба. Нет сомнения, что уже малейшая неясность в этом пункте чревата смутой и перебранками, и если история антропософского движения и состоит целиком из смуты и перебранок, то причину этого следует искать как раз в непроясненности вопроса об отношении антропософского студента к антропософскому учителю. Господин Хеертч заслуживает самой энергичной признательности за предложенную им формулу разделения, с помощью которой *каждый* антропософ (а не только те, которым угодно выступать с антропософскими лекциями или писать антропософские книги) сможет, наконец, выяснить для себя: держаться ли ему антропософии Рудольфа Штейнера или, не теряя времени, производить свою. Именно так: *каждый — собственную — свою*. Под знаком популярного, особенно среди бездельничающей молодежи и бомжей, девиза: *Каждый человек — художник!* Соответственно: *Каждый антропософ — Р.Штейнер!*

Антропософ Хеертч сделал свой выбор с прямотой и достоинством независимого интеллектуала. Его ответ на сформулированный им самим вопрос гласит: *да*. Антропософом можно быть и без Рудольфа Штейнера. Ввиду того, что речь, очевидным образом, идет здесь не о скачках с отведенной каждому скакуну беговой полосой, а о *науке*, возникает потребность более тщательно вдуматься в проблему, тем более что господин Хеертч, говоря от своего имени, имеет в виду *«всех нас»*. Его ответ хоть и подкупает прямотой и искренностью, но имеет предпосылкой недоразумение, запущенное до такой степени, что для устранения его потребовались бы годы, а может, и жизни. Я попытаюсь вкратце охарактеризовать суть вопроса.

Если кому-то и кажется, что антропософом можно быть без Рудольфа Штейнера, то только шутник допустит, что можно быть антропософом, не зная, что такое антропософия. Господину Хеертчу, члену Антропософского общества, и даже из *«руководящего»* состава, кажется *«чересчур узким»* искать источник антропософского знания исключительно у Рудольфа Штейнера, если уж, помимо Штейнера (так Хеертч), существует *«школа Михаэля»* со всеми её учителями и учениками. То, что антропософ Хеертч, ссылаясь на названную школу, решительно не в состоянии назвать еще кого-нибудь, кто — кроме Штейнера и независимо от Штейнера — говорил бы о ней (не открыл же её в самом деле для себя сам Хеертч?), может быть отнесено по разряду логической дефектологии. Это настораживает, но не отчаивает. Главное, чтобы господина Хеертча не угораздило вдруг утверждать, что можно быть антропософом, не зная, что это такое.

Антропософия — так сформулировано это в одной из наиболее известных штейнеровских дефиниций(1*) — *путь познания, ведущий духовное в человеческом существе к духовному во вселенной*. (Будем надеяться, что оппоненту Хеертчу не придет в голову распространить это определение только на учеников Рудольфа Штейнера, а не в то же время и на учеников *«школы Михаэля»*.) Духовное в человеческом существе означает: Я. Духовное во вселенной тоже означает: Я. Разница в том, что, как антропософы, мы учимся осознавать первое Я на *«себе»*, второе же на Существом Христа.

Антропософия, сообразно сказанному, есть путь Я к самому себе (das ICH-Werden des Ich), или христогения Я (das Christus-Werden des Ich), эволюционным местом свершения которой является *познание*. Иными словами: антропософия — это жизнь в Я. Антропософски живут в Я, как биологически живут в теле. Студент антропософии может знать, что он осознает свое Я впервые

полностью в смерти, где он переживает его так же субстанциально, как субстанциально в жизни между рождением и смертью он переживает только свое тело. Я человека в посмертном (по истечении срока так называемой «Кама-Локи») оказывается тем же, чем его физическое тело при земной жизни: НОСИТЕЛЕМ. Несется оба раза выше: Я (посмертно) несет Духочеловека, как физическое тело (прижизненно) несет Я. Из этого следует, что антропософ учится жить в смерти еще при жизни; антропософия — это опыт смерти до смерти, и, стало быть, опыт жизни в Я. В антропософии Я учится делать первые шаги, подобно младенцу, делающему первые телесные шаги. Разница между антропософом и не-антропософом в том, что антропософ становится антропософом еще при жизни, а не-антропософ становится им после смерти. К чёрту слова и обозначения! Если кому-то не нравится слово *антропософия*, то пусть он и назовет это как угодно. Штейнер сам говорит однажды(2*), что милее всего ему было бы, «если бы мы могли каждую неделю давать нашему движению новое имя». Антропософия, как жизнь в Я, есть, таким образом, сознательная рекапитуляция того, что в телесном мы изживаем бессознательно. Будь наше Я столь же зрелым и самостоятельным, как наши (бессознательные) тела, скажем, умей оно реагировать на *свои* ситуации с быстротой и безошибочностью инстинкта, не было бы вообще никакой нужды ни в антропософии, ни в антропософах, ни даже в эволюции мира; каждый человек, «*все мы*» пребывали бы уже в нетленном теле (= дух) и были бы «*яко Боги*».

Но наше нынешнее Я даже еще не оперилось. В 12 лекции курса по лечебной педагогике оно обозначено как *младенец*. (Штейнер говорит почему-то по-английски *Baby*). Мы перелагаем это на нашу тему и получаем *антропософов, как младенцев*.

Ничего более утешительного и нельзя себе представить. Господин Хеертч имеет неплохой, а по существу, единственный шанс выйти сухим из своего пелагианства, если попытается представить себе собственные рассуждения по аналогии с ребенком, который наткнулся в отцовской библиотеке на, скажем, *Ars Magna* Луллия, перелистал ряд страниц, даже прочитал по слогам пару строк, а вечером, присутствуя при разговоре взрослых, высказал на сей счет «*свое*» мнение. Младенчество антропософов состоит, между прочим, и в том, что они, как правило, не научились еще различать между наукой в обычном академическом смысле и антропософски ориентированной духовной наукой. Их мечта: попасть в поле зрения университета и быть принятыми всерьез. Но ясно, как день, что для университетской науки духовная наука не всерьез, а в курьез. Философ Кант, страж университетского порога, нашел бы штейнеровскую духовную науку «*невозможной*». Между тем: антропософия может быть понята только из самой антропософии, а не из Канта, в котором она видит виновника духовного кризиса нашего времени. Одним из её конститутивных учений является единение познающего с предметом познания в *интуиции*, которая может быть только индивидуальной и в то же время действительным источником духовной науки. Персонифицированно: когда познающий носит имя «*Штейнер*», то интуиции его носят имя «*антропософия*». Здесь нет никаких «*преднаходимых*» фактов, которые могли бы быть «*увидены*» первым попавшимся «*ясновидцем*». Поэтому, тот, кто намерен преподавать антропософию, должен делать это из интуиции (= сознательный и контролируемый опыт смерти), либо, за неимением таковых, запастись терпением на тысячелетия и начать учиться у того, кто это МОЖЕТ. Нельзя, стоя одной ногой в антропософии, другой стоять в университете, сочетая научное *сознание* с научным *суеверием*.

Если после всего сказанного тому или иному антропософу (из числа единомышленников господина Хеертча) вздумалось бы настаивать на своем, милости просим! но тогда при условии, что ему не пришлось бы отделаться каким-нибудь одним неряшливым предложением. Выучиться антропософии без Штейнера — слишком серьезная заявка, но раз уж она сделана, то надо идти до конца. Мы ждем от антропософа Хеертча сотоварищи систематического — или, на худой конец, кое-какого — изложения собственных антропософий. В противном случае мы оставляем за собой право считать их тем, что они и есть: недорослями и брамарбасами.

В конце концов промах господина Хеертча, как и его единомышленников в кармической цепи от бульварного журнальчика Info3 до президиума Антропософского общества, обусловлен одной ошибкой, именно: телесное, соответственно, гражданское совершеннолетие путается здесь с духовным и *человеческим*, как если бы мы, будучи бюргерами, были уже тем самым и ЧЕЛОВЕКАМИ, а в Я столь же зрелыми, как в телесном. Но в Я мы суть младенцы, будь мы при этом обвешены дипломами, знаками отличия и прочей академической жутью, которой мы бряцаем, как младенец в колыбели погумушками.

Тем самым открывается еще одна возможность усилить свое антропософское сознание на следующей медитации: Антропософ — это взрослый человек, при случае даже с высшими знаками отличия, способный осознавать себя в своей духовности младенцем. Соответственно: антропософия — это рост, возмужание Я, зрелость которого опознается по тому, что оно начинает *жить*, что значит: оно начинает ощущать себя в *смерти*. Всё прочее было бы люциферическим

самоуверенностью, или, говоря более понятным языком, шаловливостью ребенка, надувающего щеки и ждущего, что с ним перейдут на «Вы»... Оптимизм господина Хеертча и ему подобных, считающих себя способными быть антропософами без Штейнера, покоится, таким образом — при всей своей эстетической сомнительности и моральной безвкусице — на дюже недоразумении, телесный аналог которого издавна известен в педиатрии под графой *детские болезни*.

Я позволю себе в заключение привести две выписки из антропософского учителя. Цель цитирования ясна и лежит как на ладони. Их прочтут и поймут. Или не поймут. Кому-то они помогут переболеть своими антропософскими детскими болезнями. А кому-то захлопнуть за собой антропософскую дверь и остаться — до лучших времен — сверчком, не знаящим своего шестка.

«Результатом этих исследований является, что истина, как по обыкновению полагают, не есть идеальное отражение чего-то реального, а *свободное* порождение человеческого духа, которого нигде не существовало бы, если бы мы сами не производили его» («Истина и наука», Предисловие).

«В физическом мире вещи располагаются перед нами без нашего содействия. Ничто не появляется перед нами в высших мирах, если мы сперва не предоставляем в его распоряжение собственную душевную субстанцию» («Мистерии Востока и христианства», 1-ая лекция).

Базель, 10 февраля 2004 года

Примечания

1. Anthroposophische Leitsätze, Dornach 1962, S. 14.
2. Лекция 17 августа 1923 года в Илкли (Йоркшир).